

К истории и предыстории литургических переводов XVII – XXI вв.

Александр Кравецкий

Богослужебным языком Русской православной церкви является церковнославянский, при этом имеется уже довольно большая традиция перевода богослужебных текстов на русский язык. Сама возможность таких переводов была и остается предметом напряженной полемики,¹ что во многом определило отношение к переводческой деятельности. Анализ конкретных текстов, за редчайшим исключением, не предпринимался, а обсуждения сводились к самым общим проблемам – нужны ли такие переводы или нет. В настоящей работе мы хотели бы предложить общую периодизацию переводов литургических текстов, осуществленных в России и поставить вопрос о создании их классификации. В дальнейшем на основе этой классификации можно будет говорить о языковых и стилистических особенностях, связанных с каждым из этих этапов.

I.

Если подходить формально, историю литургических переводов следует начинать с переводов XVII века, в первую очередь, с перевода Псалтыри Авраамия Фирсова. Он осуществил переработку текста Псалтыри, переведя ее на более простой, по его мнению, вариант церковнославянского языка. Для того он, в соответствии со своими представлениями о простоте языка, заменял отдельные слова и синтаксические конструкции, заимствуя их из других источников.² Однако все же включать опыт Авраамия Фирсова в историю литургических переводов на русский язык нельзя, поскольку этот перевод был сделан задолго до появления нового русского литературного языка.

¹ Обзор полемики о языке богослужения см.: Кравецкий, Александр – Плетнева, Александра: История церковнославянского языка в России (конец XIX – XX в.). Москва: Языки русской культуры, 2001, с. 42-73; Балашов, протоиерей Николай: На пути к литургическому возрождению. Москва: Круглый стол по религиозному образованию и диаконии, 2001, с. 23-181.

² См. Псалтырь 1683 года в переводе Авраамия Фирсова: Текст, словоуказатель, исследование. Предисловие, исследование, подготовка текста и составление словоуказателя Елены Целуновой. Москва: Языки славянских культур, 2006, с. 28-29; Живов, Виктор: История языка русской письменности. Москва: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. Т. 2., с. 915-918.

Как предысторию литургических переводов следует рассматривать и осуществленные в XVIII веке поэтические переложения богослужебных текстов (в первую очередь – Псалтыри). Как известно, контекстом, в котором шла работа над этими переводами, следует считать споры о языке поэзии и поэтических размерах. Хрестоматийным примером здесь является известный спор между Ломоносовым, Тредиаковским и Сумароковым о системе русского стихосложения, результатом которого стала осуществленная в 1744 году публикация «Трех од парафрастических». Впоследствии Сумароков и Тредиаковский осуществили полный перевод Псалтыри,³ а Ломоносов – перевод избранных псалмов.⁴

Эти переводы положили начало литературной традиции поэтических переложений Псалтыри и богослужебных текстов. К этой традиции принадлежит и известное переложение тропаря Преображения, осуществленное митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым),⁵ и «Отцы пустынники и жены непорочны» А. С. Пушкина, и переложение Погребальных стихир Иоанна Дамаскина А. К. Толстого⁶ и некоторые другие тексты. Понятно, что литературные опыты никоим образом не были связаны с литургическими переводами, однако они оказали определенное влияние на полемику о языке богослужения. В церковной публицистике прошлого века и в дискуссиях на Поместном соборе 1917 – 1918 гг. ссылки на перевод А. К. Толстого встречаются неоднократно. Однако об использовании этих текстов в богослужении ничего не известно. Очевидно, что его и не было.

II.

Говоря о появлении собственно литургических переводов, следует указать на несколько моментов, стимулирующих их появление. Во-первых, это предпринимавшиеся в XVIII веке опыты издания богослужебных текстов гражданской печатью. В 1714 году гражданским шрифтом печатается «Указ всем во флоте российском обретающимся ... коим образом и в которое время по вся дни должны приносить Господу Богу молении»⁷. Этот краткий молитвослов для матросов, содержащий утренние молитвы, впоследствии неоднократно переиздавался⁸. В 1765 году выходят напечатанные гражданской

³ Сумароков Александр: Стихотворения духовные. Санкт-Петербург, 1774; Trediakovskij, Vasilij: Psalter 1753. Erstausgabe. Besorgt und kommentiert von A. Levitsky. Hrsg. von R. Olesch und H. Rothe. Paderborn – München – Wien – Zürich: Ferdinand Schöningh, 1989. LXXXIV + 663 s.

⁴ Ломоносов, Михаил: Полное собрание сочинений. Москва – Ленинград, 1959, с. 369-392.

⁵ Сова, Борис: Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX – XX веках. In: Богословские труды, 4, 1970, с. 35.

⁶ Толстой, Алексей: Собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Москва: «Правда», 1969, с. 496-498.

⁷ Описание изданий гражданской печати 1708 – январь 1725. Москва – Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1955, с. 155.

⁸ Описание изданий гражданской печати..., с. 179, 206-207, 261.

кириллицей 52 книги объемом от 50 до 180 страниц, которые содержат службы Двенадесятым праздников, некоторые службы Триодного цикла, а также некоторые рядовые праздники.⁹

Такое масштабное издание богослужебных последований гражданским шрифтом представляло собой совершенно беспрецедентное явление. В Российском Государственном архиве Российской Федерации в фондах Московской синодальной типографии имеется несколько довольно объемных дел, посвященных этим изданиям. Из архивных материалов видно, что работы начались после указа Екатерины, в котором она требовала, чтобы Синод организовал издание ряда церковных служб в виде отдельных книг. Тираж каждой книги должен был появиться за некоторое время до соответствующего праздника (Служба Преображению – накануне Преображения, Служба на Вознесение – накануне этого праздника и т.д.), причем существенная часть тиража вручалась императрице (100 экземпляров) и наследнику Павлу Петровичу (50 экз.).¹⁰ Обращает на себя внимание репертуар этих книг. Наряду с двенадцатыми праздниками здесь довольно много служб, посвященных менее значимым дням церковного года, которые соотносятся с памятливыми датами государственной жизни. Так в выходных данных службы Евстратию (20 сентября) прямо говорится, что это день рождения Павла Петровича, служба Обрезанию Господню прямо соотнесена с гражданским новым годом, Петр и Павел – именины наследника престола, память мучеников Кира и Иоанна – день вступления Екатерины II на престол. Конечно же, в данном случае речь идет не о русском переводе богослужебных текстов, а лишь об издании их гражданским шрифтом. Однако для нашей темы этот прецедент важен тем, что здесь впервые нарушается шрифтовое противопоставление литургической книжности и светской литературы. Впервые – пусть только на уровне шрифтового оформления – было нарушено правило, согласно которому молитвы и богослужебные тексты всегда составлены на церковнославянском языке и напечатаны церковной кириллицей.

Следующим этапом расширения сферы употребления русского языка за счет церковнославянского стали осуществленные в первой четверти XIX века переводы на русский язык Нового завета и части ветхозаветных книг. Необходимость таких переводов аргументировалась непонятностью церковнославянского языка. Приведем весьма характерный фрагмент отчета Российского библейского общества, в котором рассказывается о поддержке идеи перевода императором Александром I: «Его Императорское Величество (...)

⁹ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725-1800. Том 3. Москва, 1966, с. 129-133, № 6553-6605.

¹⁰ Печатание служб на двенадцатые праздники и высокотожественные дни 1765 – 1766. Российский Государственный архив древних актов, Москва. Фонд 1184, опись 1, № 5326. Л. 1-1 об.

с прискорбием усматривает, что многие из россиян по свойству полученного ими воспитания, быв удалены от знания древнего славянского наречия, не без крайнего затруднения могут употреблять издаваемые для них на сем единственно наречии священные книги, так что некоторые в сем случае прибегают к пособию иностранных переводов, а большая часть и сего иметь не может». ¹¹ Таким образом, мысль о том, что часть русского общества не знает церковнославянского языка прозвучала из уст императора. Другим важным моментом, связанным с этими переводами, было то, что работа переводчиков прямо соотносилась с актуальной для того времени полемикой о путях развития русского литературного языка, которую обычно называют спором «архаистов» и «новаторов». Напомним, что работа над русской Библией относится к тому периоду истории русского литературного языка, когда в России сосуществовало несколько вариантов этого языка, и вопрос о том, какой из этих вариантов приобретет статус общенационального, оставался открытым. Споры шишковистов и карамзинистов еще продолжались, и их результаты не были предрешены. При этом языковая концепция библейского перевода четко соотносилась с концепцией «карамзинистов». Таким образом, библейские переводы оказались важным событием в истории русского литературного языка. Они повышали статус того варианта литературного языка, на который был ориентирован этот перевод. ¹²

III.

В 1853 г. архиепископ Херсонский Иннокентий (Борисов) предложил Синоду программу выпуска в епархиях периодических изданий. С 1860 года эта программа начала реализовываться. Появление местной периодики стимулировало развитие литературного творчества духовенства. Практически сразу в провинциальных изданиях начинают появляться русские переводы отдельных служб и чинопоследований. ¹³ Чуть позже появляются и издания отдельных чинопоследований (например, переведенное с греческого Последование ко св. причащению). ¹⁴ Как правило, эти публикации не снабжались предисловиями, поэтому можно только догадываться, какие именно цели ставили перед собой переводчики.

¹¹ Третий отчет Комитета Российского библейского общества за 1815 год. Санкт-Петербург, 1816, с. 15.

¹² Социолингвистические аспекты первых переводов Библии на русский язык. In: *Slověne*, 2015, Т. 4., № 1, с. 191-203.

¹³ Краткий обзор этих публикаций см. Сове, Борис: Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX – XX веках, *op. cit.*, с. 37-38.

¹⁴ Последование ко святому причащению и по причащении. В переводе на русский язык с греческого протоиерея Александра Свирелина. Москва, 1894.

Одновременно с журнальными публикациями стали появляться и параллельные издания богослужебных текстов. Первой книгой такого рода стало подготовленное профессором Санкт-Петербургской духовной академии Евграфом Ловягиным издание «Богослужебные каноны на греческом, славянском и русском языках», увидевшее свет в 1855 году.¹⁵ В 1888 году вышло параллельное славяно-русское издание воскресной службы Октоиха, подготовленное однофамильцем переводчика канонов, преподавателем Тобольской духовной семинарии Иваном Ловягиным¹⁶. Позже появились параллельные издания молитвословов, осуществленные протоиереем Н. Успенским¹⁷ и Николаем Зайончковским, писавшем под псевдонимом Н. Нахимов.¹⁸ Эти переводы – толковательные. Их авторы не ставят перед собой задачу создать полноценный русский текст, а делают вспомогательный подстрочник, призванный помочь пониманию славянского текста. При этом вопрос о выборе языковых средств перевода не ставился, а сама проблема, кажется, не осознавалась.

В большинстве случаев переводчики активно пользуются лексикой, общей для русского и церковнославянского языка. В результате чего русские переводы оказываются чрезвычайно славянизированными. Приведем лишь несколько примеров из упоминавшегося выше перевода «Последования ко Святому Причащению»: *открыл уста мои на врагов моих* (с. 6), *очищение скверну моего сердца* (с. 7), *восхотел быть закланным* (с. 8) и т. д. Для русского языка того времени это не нейтральные выражения, а стилистически окрашенные архаизмы. Создается впечатление, что проблема выбора языковых средств переводчиков не особенно волнует. Их внимание приковано лишь к смыслу переводимого текста и к тому, с какого языка – славянского или греческого – осуществлять перевод.

Отличие от проблемы выбора языковых средств, проблему соотношения славянского и греческого текста переводчики осознавали. Значительная часть переводов на русский язык делалась не с церковнославянского, а с греческого языка. При этом переводчики как правило пользовались греческим текстом, но опирались на славянский и в случае возникновения разночтений выбирали славянский вариант, а не греческий. Такая осторожность была оправдана. Отступления от привычного славянского текста вызывали

¹⁵ Книга была переиздана в 1861, 1875 и 2015 г.

¹⁶ Воскресная служба Октоиха всех восьми гласов или напевов на славянском и русском языках, заключающая в себе песнопение малой вечерни, великой вечерни, полунощницы, утрени и литургии. Перевел с греческого языка И. Ф. Ловягин. Санкт-Петербург, 1888. Книга была переиздана в 1892 и 1995 году.

¹⁷ Успенский, протоиерей Владимир. Сборник церковных песнопений с переводом их на русский язык. Москва, 1911.

¹⁸ Молитвы и песнопения Православного Молитвослова (для мирян) с переводом на русский язык, объяснениями и примечаниями Николая Нахимова. Санкт-Петербург, 1912.

у читателей сильный протест. Так, один из членов Поместного Собора 1917 – 1918 гг. во время дискуссии рассказывал о том, как он пытался читать в храме упомянутый выше русский перевод молитв к причащению, осуществленный протоиереем Александром Свирелиным: «Должен сознаться, что в этом отношении я ошибся и не достиг ожидаемых целей. На русском языке эти молитвы дают отрицательное впечатление, перевод их, сделанный Свирелиным, вульгарен, например, вместо слов «войди во внутренняя моя» переводчик вставляет слова «в почки мои». Это грубо, и потому я оставил эту попытку».¹⁹

Революционным событием в деле перевода богослужебных текстов на русский язык стало предпринятое журналом «Христианское чтение» издание пятитомной антологии «Собрание древних литургий восточных и западных в переводе на русский язык» (Санкт-Петербург, 1874 – 1877). Это был не первый опыт публикации на русском языке инославных литургий. В 1799 г. появился русский перевод армянской литургии (еще один перевод был издан в 1857 г.), в 1864 г. издан русский перевод Литургии Апостольских постановлений, в 1866 – перевод яковитской литургии, в 1869 г. – абиссинской, в 1873 – католической.²⁰ Значение издания 1874 – 1877 годов заключается в том, что впервые появился такой объем переводов на русском языке. К тому же, работая над русским текстом, переводчики не имели перед глазами славянского варианта и потому были куда свободны в выборе языковых средств.

IV.

Общее количество переводов богослужебных текстов на русский язык было довольно значительным: только полных переводов Литургии Иоанна Златоуста между 1875 и 1915 годами вышло по крайней мере четыре.²¹ При

¹⁹ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917 – 1918 гг. Том № 15. Материалы и протоколы Отдела о богослужении, проповедничестве и храме и Библейского отдела. Составление, подготовка текста, предисловие и примечания А. Г. Кравецкого. Под редакцией А. Г. Кравецкого и протоиерея Николая Балашова. Москва: Издательство Новоспасского монастыря, 2017, с. 292. Речь здесь идет о переводе следующего фрагмента: «Давый пищу мне плоть Твою волею, огонь съий и опаляй недостойныя, да не опалиши мене, Содетелю мой: паче же пройди во уды моя, во вся составы, во утробу, в сердце. Попали терние всех моих прегрешений.» Свирелин перевел это так: «Создатель мой, добровольно давший мне в пищу Плоть Свою, будучи огнем, пополяющим недостойных, но войди в составы моих членов, во все связки, почки и сердце, и попали терния всех моих прегрешений» (Последование ко святому причащению..., с. 51-52). Протест вызывает перевод греческого пассажа «εἰς πάντας ἀρμούς, εἰς νεφρούς, εἰς καρδίαν», где νεφρούς переводится как анатомический термин 'почки'.

²⁰ Обзор тих изданий см.: Собрание древних литургий восточных и западных в переводе на русский язык Вып. 1. Санкт-Петербург, 1874, с. 16-17.

²¹ Петровский, протоиерей Сергей: Порядок совершения святой и божественной литургии св. Иоанна Златоуста. Опыт перевода с церковнославянского языка на русский. Одесса, 1908; Поляков, священник Петр: Объяснение богослужения Православной Церкви с приложением полного изложения Божественной Литургии на русском наречии и наставления о том, как должно

этом, как правило, переводчики богослужебных текстов решали миссионерские, катехизаторские и просветительские задачи. Их переводы должны были сделать богослужебные тексты понятными и дать верующим возможность сознательно участвовать в богослужении. При этом общие проблемы перевода на русский язык текстов, имевшихся в церковнославянской традиции, не обсуждались. Единственное исключение представляет собой печатная полемика между Н. Ч. Зайончковским и П. П. Мироносицким. Оба участника этой полемики публиковали свои переводы богослужебных текстов на русский язык (Н. Ч. Зайончковский выступал под псевдонимом Николай Нахимов²²). Исходные установки переводчиков существенно различались. Зайончковский переводил богослужебные тексты как комментатор и филолог. Для него актуальна была история греческого слова, выбор лексического значения при переводе и т. п. Он пытался максимально точно перевести тексты молитв с греческого на русский литературный язык и при этом отталкивался, сознательно уходил от привычного славянского текста, что должно было освежить и обновить его восприятие. При этом Н. Ч. Зайончковский исходил из того, что русский и церковнославянский – разные языковые системы, а значит перевод не должен сохранять непереуведенные фрагменты исходного текста. Текст или понятен и не нуждается в переводе, или же он должен быть переведен целиком. Русский перевод специально удалялся в языковом отношении от церковнославянского.

Предпосылки, из которых исходил П. П. Мироносицкий, были совершенно иными. По его представлению, церковнославянский является функциональным стилем русского литературного языка. В ситуации, когда русский человек обращается к Богу, он использует церковнославянский язык, а в ситуации нецерковного общения – русский. К тому же церковнославянское слово является для Мироносицкого культурным достоянием. Если это слово возможно сохранить в переводе, это обязательно надо сделать. По мнению Мироносицкого, замена русским синонимом понятного церковнославянского слова – разрушительный и неплодотворный процесс. Он считал, что при переводе принципиально важным является не филологическое, а богословское осмысление переводимого фрагмента. Поэтому для него актуальны святоотеческие толкования и комментарии, библейские параллели, традиционное восприятие текста. Таким образом, Мироносицкий делал не филологический комментирующий, а литературный перевод. Среди его опытов были даже по-

вести себя в храме. Петроград, 1915; Полное собрание творений святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 12. Санкт-Петербург, 1906, с. 394-429; Собрание древних литургий..., вып. 2, с. 109-132.

²² Нахимов, Николай: Молитвы и песнопения православного молитвослова (для мирян) с переводом на русский язык, объяснениями и примечаниями. Санкт-Петербург, 1912.

этические переводы богослужебных текстов.²³ Парадоксальная ситуация: последовательный противник введения русского языка в богослужение, каким был Мироносицкий, создавал как раз ту версию переводов, которая теоретически могла бы использоваться в качестве звучащего богослужебного текста.

Мироносицкий и Зайончковский не только переводили, но и пытались осознать и объяснить особенности своих переводов, что для истории русских литургических переводов является совершенно уникальным опытом. В 1911 – 1913 годах на страницах «Церковных ведомостей» между ними развернулась полемика²⁴ об общих принципах перевода богослужебных текстов на русский язык. Мы не будем здесь подробно останавливаться на содержании этой полемики, так как нам уже доводилось о ней писать.²⁵ Здесь же нам важен лишь сам факт рассмотрения теоретических проблем, связанных с литургическими переводами. Печатная полемика Зайончковского и Мироносицкого была первым опытом публичной полемики, посвященной технике перевода богослужебных текстов на русский язык. Сам факт подобной полемики мог стать стимулом для появления переводческого сообщества, открыто обсуждающего профессиональные вопросы. Однако этого не произошло. Общество восприняло эту полемику как столкновение амбиций, а не как попытку разобраться в сложных проблемах переводческой техники. Откликов на эту дискуссию не было, и она стала предметом исследования лишь десятилетия спустя.

Показательно, что российское общество не интересовалось дискуссией о технике переводов, но активно участвовало в спорах об использовании русского языка в богослужении. Казалось, что эти дискуссии должны были бы стимулировать общественный интерес к проблемам переводческой техники. Однако этого не произошло. Участников дискуссий волновали не тонкости переводческой техники, а принципиальный вопрос – можно ли служить по-русски. Русское богослужение вошло в число тем, по отношению к которым реформаторы противопоставлялись консерваторам.²⁶ Понятно, что филологическая проблематика литургических переводов не интересовала ни тех, ни других.

²³ Кондак или песнь (KONTAKION) на Рождество Христово. Творение святого Романа Сладкопевца. Перевод с греческого Парфия Мироносицкого. In: Приходское чтение, 1912, т. 33, с. 885-890.

²⁴ Мироносицкий, Порфирий: Ясное и сокровенное в богослужебных песнопениях. Заметки по поводу книги Н. Нахимова «Молитвы и песнопения православного молитвослова...» In: Прибавление к Церковным ведомостям. 1913, № 2, с. 90-99; № 3, с. 142-149; Мироносицкий, Порфирий: Несколько примечаний к антикритике г. Нахимова. In: Прибавления к Церковным ведомостям, 1913, № 12, с. 588-589; Нахимов, Николай: Мой ответ на критику г. Мироносицкого. In: Прибавления к Церковным ведомостям, 1913, № 12, с. 572-588; Мироносицкий, Порфирий – Нахимов, Николай: Несколько последних слов г. Мироносицкому. In: Прибавления к Церковным ведомостям, 1913, № 13, с. 687-688.

²⁵ Кравецкий Александр – Плетнева Александра, *op. cit.*, с. 125-139.

²⁶ Pletneva, Aleksandra: L'orthographe soviétique prémices, programmes, realization. In: *Revue des études slaves*, Paris, 2017, LXXXVIII, 1-2, с. 57-58.

V.

Революция и последовавшие за ней события на долгое время остановили регулярную работу над переводами богослужебных текстов на русский язык. При этом в 20-е годы имели место первые попытки внедрения русского языка в богослужебную практику.²⁷ Эти опыты были связаны, в первую очередь, с обновленческим расколом. Однако серьезной филологической работы за этими опытами не стояло. Перед нами не столько переводы, сколько новые чины, авторов которых интересовала не языковая сторона вопроса, а уставная.²⁸ Наиболее масштабным и интересным послереволюционным переводческим проектом стала серия книг нижегородского священника Василия Адаменко, издавшего в 20-е годы переводы существенной части богослужебных текстов.²⁹ Однако ярких переводческих идей и решений этот проект не содержит. Русские тексты Адаменко как бы подводят итог дореволюционным переводческим опытам. В подготовленные Василием Адаменко русские богослужебные книги вошли некоторые старые переводы, например, Н. Ч. Зайончковского, хотя, как мы говорили выше, для богослужебного употребления эти переводы не предназначались.

VI.

На формирование переводческой традиции огромное влияние оказали опыты перевода на русский язык памятников древнерусской литературы, которые были стимулированы возникшим во второй половине XX века интересом к отечественной истории. Переводами сопровождались издания отдельных памятников. В 1976 – 1994 годах увидела свет многотомная серия «Памятники литературы древней Руси», где перевод помещался параллельно с древнерусским оригиналом. Поскольку это издание было задумано как популярное, авторы переводов исходили из того, что часть читателей будет пользоваться только русским текстом. Поэтому русский перевод, как правило, был не сухим подстрочником, помогающим понять оригинал, а самостоятельным литературным текстом. Среди дореволюционных литургических переводов опытов такого рода было очень немного.

В конце 80-х годов в храмах иногда звучали русские переводы богослужебных текстов, однако систематической работы в этом направлении не велось. В начале 90-х годов в Москве сформировалось «Преображенское содру-

²⁷ См.: Кравецкий Александр – Плетнева Александра, *op. cit.*, с. 180-223.

²⁸ Примером этого может служить реформированный чин Литургии епископа Антонина (Грановского) или же «Чин общей исповеди» священника Константина Смирнова.

²⁹ Адаменко, священник Василий: Служебник на русском языке. Нижний Новгород, 1924; Порядок всенощного богослужения на русском языке. Нижний Новгород, 1925; Сборник церковных служб, песнопений главнейших праздников и частных молитвословий Православной Церкви на русском языке. Нижний Новгород, 1926 (перепечатка: Paris, 1989); Требник. Молитвослов для совершения священнодействий Православной Церкви на русском языке. Нижний Новгород 1927.

жество малых братств», которому принадлежит наиболее масштабный опыт перевода богослужебных текстов на русский язык.³⁰ В подготовленном силами этого братства многотомном издании имеются тексты, позволяющие совершать по-русски практически все основные церковные службы. Тексты этих переводов нуждаются в отдельном исследовании, однако и при поверхностном знакомстве бросается в глаза отсутствие строгой переводческой концепции. В переводах много интересных находок, но много и спорных решений.

При чтении этих переводов часто создается впечатление, что переводчики никак не могут решить, что им делать со славянизмами. В одних случаях они переводят тексты, имеющие общекультурное значение, и вне всякого сомнения понятные всем носителям русского языка, например, «*Отче наш, иже еси на небесех*» переведено как «*Отец наш небесный*». На наш взгляд, подобные замены не имеют смысла, ведь они, исправляя и так понятный текст, лишь декларируют разрыв с существующей традицией. Вариант синодального перевода Евангелия «*Отче наш, суций на небесах*» кажется в данном случае более уместным.

Одновременно с переводом понятного, переводчики оставляют славянизмы, которые могут затруднять восприятие. Например, «*Милосердия двери отверзи нам, благословенная Богородице, надеющихся на Тя да не погибнем, но да избавимся Тобою от бед*» переведено как «*Благосердия двери отверзи нам, благословенная Богородица! Надеюсь на тебя, да не погибнем, но да избавимся Тобою от бед....*». То есть, с одной стороны, и так понятное слово *милосердие* меняется на *благосердие*, но с другой – сохраняется несуществующая в русском языке славянская конструкция «*но да избавимся тобою от бед*». При этом масса вполне понятных славянских фраз переводятся, например, «*Милосердия суци источник, милости сподоби нас, Богородица*» переведено как «*Удостой нас, Богородица, сострадания Своего*». Выражение «*удостоить сострадания*» кажется весьма сомнительным в стилистическом отношении.

Нередко неуместные замены славянских конструкций русскими вызывают комический эффект. Так происходит в тех случаях, когда переводчики используют Междометие „о“ для передачи звательной формы, например, «о Царь небесный» вместо «Царю небесный». То есть, переводчики используют конструкцию, которая в свое время была спародирована Льюисом Кэрроллом.³¹

Наиболее интересным опытом перевода богослужебных текстов, в результате которого появилась самостоятельная русская художественная вер-

³⁰ Православное богослужение в переводе с греческого и церковнославянского языков. Том 1. – 6. Москва, 2007 – 2017.

³¹ „O Mouse, do you know the way out of this pool? I am very tired of swimming about here, O Mouse!“ (Alice thought this must be the right way of speaking to a mouse: she had never done such a thing before, but she remembered having seen in her brother’s Latin Grammar, „A mouse – of a mouse – to a mouse – a mouse – O mouse!“

сия отдельных чинопоследований, принадлежит поэту и яркому деятелю литературного андеграунда Анри Волохонскому.³² При всей своей точности, этот перевод не является буквальным. Переводчик не ставит перед собой задачи последовательно перевести все славянизмы, а стремится, оставаясь близким к оригиналу, создать самостоятельный литературный текст. Результат его работы кажется не переводом, а оригинальным текстом. При этом в одних случаях он переводит славянизмы, в других оставляет их без перевода. В некоторых случаях для перевода одного славянизма используется другой, например, выражение «*яко подобает Тебе* он переводит *ибо Тебе (ибо тебе вся слава, честь и поклонение)*). При этом Анри Волохонский пытается не использовать в русском тексте свойственные литургической поэзии трудно переводимые формальные приемы. Так, он старается не использовать слова с приставкой *пре-*: в его переводах нет эпитетов *пресвятая*, *пречистая*, которые чаще всего употребляются по отношению к Богородице (например в Великой ектенье: «*Святую, чистую, благословенную, славную Владычицу нашу Богородицу*»). Такое решение переводчика вполне логично. Описать, чем значение слова *чистая* отличается от значения слова *пречистая*, довольно сложно. И переводчик предпочитает отказаться от использования таких трудных для объяснения слов.

Лексика, используемая переводчиком, современна и часто неожиданна. Например, *истление* переводится как *распад* (Пс. 102, 2: *избавляющего от истления живот твой* Анри Волохонский переводит как *избавляющего от распада жизнь твою*³³). Использование слова *распад* для перевода слова *истление* очень точно с исторической точки зрения. Дело в том, что в русском литературном языке слово *распад* вначале появляется в медицинских текстах и означает именно разложение плоти. Еще в конце XIX века, литературный критик С. А. Андреевский, употребляя слово *распад*, дает уточнение «как выразился бы медик».³⁴ Однако для современного языка более актуальными являются многочисленные употребления этого слова в литературе начала XX века (*И он дыхание распада на крыльях дымчатых принес* (Владислав Ходасевич, 1921 г.); *Свидетели великого распада, / Мы видели безумья целых рас* (Максимилиан Волошин, 1921), а также тексты 60-х годов, связанные с ядерной физикой: *Любовь похожа на убийство, / А дом, в котором люди спят /*

³² Богослужбные тексты и псалмы на русском языке в переводе Анри Волохонского. Москва: Пробел, 2016.

³³ Богослужбные тексты и псалмы..., с. 17.

³⁴ Речь идет о статье С. А. Андреевского «Вырождение рифмы: «...антитеза - Случевский и Ростан – всего лучше доказывает вырождение рифмы. Если содержание искренно и современно – зато форма плоха, когда форма превосходна – содержание фальшиво. “Распад”, как выразился бы медик, установлен вполне». (Цитируется по: В. В. Виноградов. История слов. Москва: Институт русского языка РАН, 1994, с. 592-593.

Похож на живопись кубистов / Или на атомный распад (Павел Антокольский, 1960 г.); *...Огненный я вижу водопад. / Атомный мне чудится распад* (Анна Баркова, 1975 г.).³⁵

Насколько нам известно, некоторые священники используют переведенные Анри Волохонским чины Крещения и отпевания при совершении этих таинств. На наш взгляд, значение этих переводов заключается в том, что на русском языке впервые появились литургические переводы, представляющие собой не подстрочники, а качественные литературные тексты.

³⁵ Примеры цитируются по Национальному корпусу русского языка: <http://www.ruscorpora.ru>.